

Памяти Владимира Игоревича

Инна Щербак

Нам больно, потому что ушёл человек, которого мы любили и который любил нас. Любил как родители любят детей – пристрастно, в любых ситуациях и при любых обстоятельствах.

" *Это конечно расхожая метафора уподоблять учителей и учеников родителям и детям*", как отметил Саша Гивенталь. Но точная. В Сашином тексте меня больше всего тронули воспоминания о том, как Арнольд о нем заботился. Помню, каким скованным и немногословным был Арнольд на защите Гивенталем диссертации - я не понимала почему, и мне это совсем не нравилось – и с каким облегчением и радостью (*родительской гордостью*) он сказал потом, когда "все свои" сидели за огромным гостеприимным Гивенталевским столом: "Наконец-то можно сказать, какой Саша замечательный математик, и как много мы от него ждем"...

Когда мы, студенты 3 курса, делали доклады на студенческой конференции МГУ, Арнольд сидел впереди, напряженно слушал, и его губы беззвучно проговаривали вместе с каждым учеником его доклад.

У каждого из нас есть свои, личные истории. Например, когда мы с Олегом уехали после аспирантуры, мы переписывались с Владимиром Игоревичем. Олег всё не писал и не писал текст диссертации, потом родилась наша вторая дочь Маша - и тогда Арнольд прислал Олегу денежный перевод на 500 рублей. 25 лет тому назад это была значительная сумма – примерно трёхмесячная зарплата Олега. Арнольд решил, что Олег теперь изо всех сил старается побольше заработать, чтобы прокормить разросшееся семейство, и поэтому не может выкроить время для математики...

Моя мама в Тель Авиве и мама Олега в Рыбинске отреагировали на это известие, от 3 июня, одинаково, почти слово в слово, что-то вроде " Я не была с ним знакома, но знаю, что он замечательный человек". Они – как всегда – правы.

Кроме Арнольда, есть (и были и будут) и другие замечательные математики. А такой удивительный, исключительный, поразительный человек – он один.

Снова цитируя Сашу Гивенталь, у Арнольда и "*система вознаграждения*", и "*триггер положительных эмоций*" были только его, внутренними, не зависели ни от какого судьи и ни от чьего одобрения. Он оставался идеалистом и был абсолютно искренен и честен – со всеми вытекающими (далеко не всегда приятными) последствиями. Он не только не успел состариться, он и повзрослеть не успел... Но к счастью успел высказать, записать, опубликовать удивительно много из того, что его волновало, интересовало, о чем он любил рассказывать...